

С.Н. Корусенко

Социальная стратификация и этнический состав тюркоязычного населения Среднего Прииртышья в начале XVIII в. (по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.)

В конце XVI – начале XVII в., т.е. во время начального освоения Сибири Русским государством, южную часть Западно-Сибирской равнины заселяло тюркоязычное население. Основную часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины составляли различные родоплеменные образования. Осваивая территорию Сибири и включая местное население в систему налогообложения, административные органы Русского государства создавали волостные единицы для централизации сборов налогов. Волости образовывались с учетом общности происхождения как в этническом, так и в социальном плане. Именно такой подход, отраженный в делопроизводственных документах, позволил Б.О. Долгих выявить родоплеменной состав населения Сибири в XVII в., где он выделил и группы тюркоязычного населения юга Западной Сибири [1].

Дальнейшее исследование этнической истории данного населения связано с именем Н.А. Томилова, который на основе огромного количества источников (материалы ревизий населения, полевые этнографические материалы и т.д.) предложил схему дифференциации территориально-этнических групп сибирских татар с выделением локальных групп этнографического характера [2]. Им же были выявлены, насколько это представилось возможным, этнические компоненты в составе как территориально-этнических групп, так и локальных групп. В целом необходимо отметить, что сложение как этнотерриториальных, так и локальных групп тюркоязычного населения юга Западной Сибири продолжалось на протяжении XVII–XIX вв. И дифференциация групп, предложенная Н.А. Томиловым, отражает, скорее всего, современную ситуацию, так как сибирские татары в настоящее время так и не представляют собой единую этническую общность, каждая группа сибирских татар отличается спецификой своего этнического развития. Несмотря на различия в формировании групп, можно выделить общие моменты, которые обусловлены включением в состав ряда групп пришлого населения, представленного как выходцами из Средней Азии (так называемые сибирские бухарцы), так и переселенцами из Поволжья и Приуралья. Именно сочетание этих основных этнических компонентов (различные группы местного тюркоязычного населения и пришлые названные группы) и привело к сложению территориально-этнических групп.

В Тарском уезде сложилось две группы – курдакско-саргатские и тарские татары, основное различие которых связано с наличием большой прослойки бухарцев для тарской группы и почти полным отсутствием этого компонента в составе курдакско-саргатской группы.

В данной статье основное внимание будет уделено социальной и этнической структуре татар Среднего Прииртышья, а именно территории Тарского уезда, которая включает в себя в настоящее время часть северных районов Омской области. Основным источником является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., поэтому будет представлен одновременной срез той ситуации, которая сложилась к началу XVIII в., но основы данной этносоциальной структуры закладывались на протяжении конца XVI–XVII вв., когда происходило активное освоение этого региона Русским государством.

Понятие «этносоциальная структура населения» неразрывно связано с изучением этнических (или социально-этнических) процессов. Их значение заключается не только в трансформации этнического и социального состава населения, но и в последствиях межэтнической интеграции или внутриэтнической консолидации. Этносоциальная структура тесно связана с понятием этнической истории и является ее неотъемлемой частью. В качестве раздела этнической истории как научного направления, сложившегося на стыке истории и этнологии, Н.А. Томилов выделяет этносоциальную историю, под которой понимает не только «динамику этнических свойств социальных институтов, отношений этнических общностей, но и историю этносоциальных организмов (эсо) и *в целом всех этносоциальных объединений*» (выделено мной. – С.К.) [3, с.18]. Этносоциальная структура – это прежде всего совокупность этносоциальных сообществ, проживающих в границах общей территории.

Изучение этнической истории невозможно без использования письменных источников, оставленных предшествующими поколениями. Одним из видов источников письменного происхождения являются дозорные книги. Они принадлежат к категории документов делопроизводства и содержат поправки и дополнения к писцовым книгам, на основе которых с конца XV в. производилось налоговое обложение.

Во время проведения переписи специальные писцы занимались обмером и межеванием земельных

угодий, проверкой прав на владение землей, разбором судебных дел о спорных территориях. Дозорные книги создавались после составления писцовых по определенному населенному пункту, являлись результатом произведенной описи (дозора) города, села, уезда и т.п.

В очерченных территориальных и временных рамках данного исследования наибольший интерес представляет Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. [4]. Круг вопросов, которые можно изучать на основе этого документа, достаточно широк и охватывает проблемы исторической демографии, ономастики, социально-экономической истории. Ссылки на Дозорную книгу можно встретить во многих исследованиях, посвященных заселению Сибири и взаимоотношению русского и аборигенного населения [5–8]. Однако одним из общих моментов этих исследований являлось цитирование источника, а не перевод текста целиком, что иногда приводило к тому, что цитата «вырывалась» из контекста источника в целом. Полное же прочтение источника порой приводит к отрицанию выводов исследователя, основанных на конкретной цитате. Наглядно это положение показано на примере описания спора между русскими и татарами деревни Усть-Тарской Тарского уезда, где обычно цитировалась одна из сторон, в то время как описание спора приведено в Дозорной книге как при описании русских деревни Усть-Тарской, так и при описании татар этой же деревни [9].

Цель создания документа обозначена во введении (здесь и далее текст Дозорной книги для удобства восприятия адаптирован к современному русскому языку с точки зрения орфографии и пунктуации):

«А в 7206 (1698) году 4 января по указу Великого Государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержца, велено дворянину Ивану Родионовичу Качанову в Сибири Тобольского уезда, на Таре и в уездах Великого Государя волости, и слободы, и села, и деревни, и митрополитские, монастырские и церковные, и у детей боярских, и у служилых людей, и у пашенных и оброчных крестьян, и у бобылей, и у захребетников, и у татар, и у всяких чинов людей описать земли. И в тех волостях и слободах, и в селах, и в деревнях, и в митрополитских, и в монастырских, и у детей боярских, и служилых людей, и у крестьян переписать всяких чинов людей – и пришлых, и русских, и поморских городов, имена с отцами и с прозвищами. И с какого города за кем жили. И как давно в Сибирь приехали и сколько у них детей, и братьев, и племянников, и внучат, и пасынков. И в котором году и по какому указу поселились и на каких землях. И сколько пашут крестьяне Великого Государя десятинной пашни, и платят денежного и хлебного, и с мельниц, и с кузниц, и с рыбных ловель, и со всяких угодий оброков, а ясачные татары в казну Великого Государя – ясаку.

А переписав, велено, смотря по пожиткам, и по семьям, и по пахоте прибавить на крестьян Великого Государя десятинной пашни и денежного, и хлебного оброков: ...и на бобылей, и захребетников, и на пришлых из русских и из приморских городов людей десятинную пашню и хлебный, и денежный оброк и за мельницы, и кузницы, и за рыбные и птичьи ловли, и за всякие угодыя вновь положить и прибавить...» [4, л. 1].

В данной книге переписано по поселениям (внутри – по дворам) все мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодыя, определяются местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого населения. В этой книге содержатся сведения по социальной стратификации населения. Одним из интересных моментов является описание споров по поводу угодий между местным и пришлым населением. Из 425 листов с оборотами описание татарских поселений занимает 74 листа (348–422об.), т.е. чуть менее 20% текста, что само за себя говорит о соотношении русского и аборигенного населения в Тарском уезде в начале XVIII в.

Данный источник является ценным для выявления этносоциальных категорий тюркоязычного населения, так как для периода XVII–XIX вв. в исторических источниках отмечается не этническая, а социальная и/или сословная принадлежность, а социальные границы не всегда совпадали с этническими.

При рассмотрении Дозорной книги у местного тюркоязычного населения условно можно выделить четыре основные социальные категории: ясачные татары, служилые татары, захребетные татары и бухарцы. Помимо этого в материалах Дозорной книги имеются сведения о казанцах и калмыках.

Ясачные татары. Первая и наиболее многочисленная группа – ясачные татары (вместе с детьми и братьями их насчитывается в Дозорной книге 841 человек, что составляет 78,1% переписанного тюркоязычного населения). Ее основу составляло местное тюркоязычное население. В Дозорной книге при описании деревень, заселенных ясачными татарами, всегда указывалась волость. Далее шло перечисление имен ясачных определенной деревни, указывались дети и количество скота. Пашни, сенокосные и другие угодыя были общими, и обычно эти сведения даны в конце описания каждого населенного пункта. Ясачные волости чаще всего формировались по этнонимическому признаку. Например, Аялынская волость была названа по этнической общности *аялы*, на основе которой впоследствии сформировалась локальная группа в составе тарских татар. Так же была основана и Коурдакская волость. В то же время названия волостей Кулларской и Тебендинской связаны с существовавшими еще во времена Сибирского ханства Кулларским и Тебендинским городками. В дальнейшем, во второй половине

XVIII в., эти волости были преобразованы в Саргатскую и Тав-Отузскую, название которых связано с этнонимами тюркоязычного населения.

Приведем пример описания деревни ясачных татар:

«Деревня Шиштамацкий юрт над рекою Иртышом. Живут Коурдацкой волости ясачные татары.

Буйдак Тылмамметев, скота у него – лошадь.

*Яманак Кучугаев, скота у него – лошадь да ко-
рова.*

Илчиметко Сарманов, скота у него – лошадь.

Игычачко Сарманов.

Кармышак Тылметев, скота у него – лошадь.

Пашни у них паханые у деревни у всех вместе – десять десятин в поле, а в двух постольку же. Да под пашню земли и пустоши на пятьдесят десятин. Сенных покосов за рекой Шиш против деревни на пятьсот копен. В межах земля и сенные покосы с верхней стороны – речка Тепкаш-тамак, а с нижней стороны – по Красный яр. У них же рыбная ловля – речка Шиш, устьем пала в Иртыш реку. Да озеро Тепкашское вместе с Верхней Аевской деревней с ясачными татарами. Владеют исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина» [4, л. 395].

В описаниях некоторых деревень встречаются князцы, которые по своему социальному (а в приведенном примере и по имущественному) положению выделяются среди рядовых общинников:

«Деревня Усть-Тарская, Тартамак та ж на устье Тары реки. Живут ясачные татары.

Князец Иткучук Бучкаков сказал, скота у него – пять лошадей, рогатого столько же, двадцать овец.

Ясаиные татары

Токмашко Чатаев...» [4, л. 365].

По мнению С.В. Бахрушина, во времена Сибирского ханства князцы выполняли функцию сборщиков ясака с «черных людей», за что были освобождены от его уплаты [10, с. 157]. Эта функция князцов «перешла по наследству» от Сибирского юрта к Московскому государству, однако с течением времени князцы были включены в податное сословие, и их положение все больше приравнивалось к рядовым ясачникам. Приведенный пример показывает несколько обособленное положение Иткучука Бучкакова, предка современных татар Князевых, получивших свою фамилию именно от его княжеского титула [11, с. 52–53], так как он записан отдельно от ясачных татар. Остальные 8 князцов, упоминаемых в Дозорной книге, записаны вместе с жителями тех деревень, в которых они проживали, и в имущественном отношении или незначительно выделялись количеством скота, или имели столько же скота, сколько и остальные ясачные татары.

Часть ясачных татар, возможно, приняли крещение, о чем свидетельствуют имена татар: *«...Бечик Булунбаев сказал, у него дети Данилко, Аничко...*

Балкачко Тимирчурун сказал, у него сын Мишка двадцати лет...» [4, л. 365]. О том, что этот процесс был неустойчивым, говорит тот факт, что уже в следующем поколении наблюдается переход обратно в ислам. Так, в деревне Тепкашской Коурдацкой волости записан Жданко Афанасьев, тут же записаны Ябалак Жданков и Маметко Жданов, являвшиеся, судя по всему, его детьми. Такие же случаи встречаются и в других деревнях.

В целом на протяжении XVIII – первой четверти XIX вв. категория ясачных людей оставалась более или менее стабильной.

Служилые и захребетные татары. Данные социальные категории невозможно рассматривать по отдельности, так как они взаимосвязаны – только в тех деревнях, где переписаны служилые татары, идет описание и захребетных татар. С.В. Бахрушин выводит происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов – «тарханов», куда он включает туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Они несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гоньбе, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением [10, с. 163].

Представители данной социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Б.О. Долгих предположил, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения, и прежде всего аялынец [1, с. 49]. Н.А. Томилов отмечает, что, как и тобольские и тюменские татары, они совершали ежегодные походы на юг к Ямышеву озеру за солью, посылались на службу в Тару, Томск и некоторые другие города и острожки, участвовали в военных походах. Постоянным местом их жительства были деревни, расположенные около г. Тары [2, с. 145]. По материалам Дозорной книги, это такие деревни, как Киргап*, Айткулово, Атак, Речапово, Большие Туралы, Сеитово, Себеляково. Из них только деревня «Туралинских юрт» расположена на левом берегу Иртыша, остальные – на правом вдоль берега. Это подтверждает мнение Б.О. Долгих о местном компоненте служилых татар, так как при изучении расселения автохтонного тюркоязычного населения был сделан вывод о том, что основные их земельные владения, а также поселения, были расположены вдоль правого берега Иртыша [12–14]. Таким образом, служилые татары, несмотря на прохождение службы, оставались на своих землях.

В то же время в среде служилых татар встречались и «иноземные» представители. Так, при описании деревни Иткучуковой («она же Атацкая Усеинова») упоминается челобитная следующего содержания:

«Да в нынешнем 1701 году 5 сентября бил челом Великому Государю, царю и Великому князю Петру

* Приводятся современные названия деревень.

Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу, служилый иноземец (выделено мной. – С.К.) *Иткучук Чолбаров, сын Зайсанов. А в Таре на съезде двора переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову подал он, Иткучук, челобитную. А в челобитной его написано: с прошлого, 1663 году, владел отец его – **выезжий юртовский служилый татарин*** (выделено мной. – С.К.) *Чолбар Кочашев, сын Зайсан по челобитью и по отводу городничего Алексея Гойского пашенным местом и рыбными ловлями, которыми с прошлых же давних лет владел его дед, Кочаш Зайсан, а после деда и отца своего владеет он, Иткучук... И [просит он, Иткучук,] чтоб Великий Государь велел челобитную его и отводную отца его Чолбара на пашенную и непашенную землю, и на луговое место, и на рыбные ловли в Таре на съезде двора переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову принять и по отводу его, Иткучука, владения по межам и урочищам – пашенную и непашенную землю, и луговое место, и рыбные ловли – записать в переписные книги и дать ему, Иткучуку, с переписных книг впредь для владения выпись. И приложил он, Иткучук, к челобитной своей на пашенные и непашенные свои земли и на рыбные ловли в вышеописанных межах отводную на имя отца своего, Чолбара Кочашева, 1663 года 11 апреля, подписанную городничем Алексеем Гойским. А в той отводной пашенным и непашенным землям и рыбным ловлям межи и урочища написаны те же, что написаны в челобитной Иткучука. И в нынешнем 1701 году 7 сентября по указу Великого Государя велено челобитчику и **иноземцу** (выделено мной. – С.К.) *Иткучуку Чолбарову, сыну Зайсанову, по вышеупомянутым межам и урочищам прежних его, Иткучука, владений по отводу городничего Алексея Гойского пашенными и непашенными землями и рыбными ловлями владеть по-прежнему, так как спору и челобитья о тех его, Иткучуковых, землях и о рыбных ловлях в Таре на съезде двора ни от кого не было и крепости никто на те его земли и на рыбные ловли не предъявил. И дана ему, Иткучуку, на те земли и на рыбные ловли впредь для владения выпись»* [4, л. 361 об.–362 об.].*

Данный отрывок не предоставляет нам сведений о месте выезда, но, по крайней мере, дает представление о примерном времени поступления предков Иткучука Чолбарова в службу к «Великому государю» – первая половина XVII в.

В XVII в. начинается перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно этот вопрос освещен в работе Н.Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривает этот процесс касательно русского служилого населения. Она отмечает, что начало оседания на землю русского служилого населения на данной территории происходило в первой

четверти XVII в., приводя в пример материалы «Дозорной книги Тарского уезда 1624 г.», где переписаны селения русских служилых людей, представлявшие в большинстве своем деревни-однодворки [5, с. 84]. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивали все новые земельные угодья. Описывая политику правительства по отношению к служилым людям в XVII в., Н.Г. Аполлова отмечает, что она «была в какой-то мере двойственной. Добиваясь «государевых прибылей» и экономии в хлебе, оно стремилось урезывать хлебное жалованье служилых или совсем не выдавать его, переводя их на службу с пашни. С другой стороны, не желая отрывать их от своих служебных обязанностей, особенно казаков от разъездной службы, правительство пыталось установить норму земельного держания» [5, с. 87].

Можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные угодья до оседания на землю русских служилых людей, так как в состав служилых татар, как уже упоминалось выше, по мнению Бахрушина, вошли туземные князья, мурзы, племенные князцы и отчасти духовная знать. В ясачных книгах, где переписано ясачное население Аялынской волости, о них нет сведений, так как они не платили ясак. В то же время в деревнях Аялынской волости, помимо ясачных татар, были зафиксированы захребетные люди. На этом основании можно сделать предположение, что у служилых татар имелись свои земельные наделы и населенные пункты, сведений о которых, по понятным причинам, нет в ясачных книгах. Но, учитывая тот факт, что основной деятельностью служилого сословия являлось выполнение разнообразных воинских повинностей, представители этой социальной категории использовали для обслуживания своих земель захребетников.

К концу XVII – началу XVIII вв. ситуация на территории Тарского уезда становится стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т.д. Поэтому именно в это время произошло увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительное количество земельных угодий. Таким образом, нам представляется, что именно начиная со второй четверти XVII в. шел процесс оседания служилых татар на землю. В результате массового перевода категории служилых людей на «службу с пашни» во второй половине XVII в. земли служилых татар были закреплены за ними юридически.

В материалах Дозорной книги на данной территории (вокруг г. Тары) зафиксированы 61 служилый и 62 захребетных татар. Всего с детьми и братьями их было соответственно 118 и 99 человек (11,0 и 9,2% тюркоязычного населения). Описание населенных пунктов, где они были расселены, выглядит следующим образом:

«Деревня Кыргызских юрт над рекою Иртышем. Живут в тех юртах служилые и захребетные татары.

Служилые

Кузейко Богаев сказал: скота у него – лошадь, а оклад ему, Кузейке, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же, сенных покосов на пятьдесят копен.

Талайко Кучуков сказал: у него сын Айтмышко пяти лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Талайке, Великого государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен...

...Захребетные

Кучучко Усеимов сказал: у него дети – Тохтагулко двадцати семи лет, Байгундучко двадцати лет. Скота – лошадь, две коровы. А пашни у него паханые за рекою Иртышем – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Изметко Мулла сказал: у него сын Раимгулко двадцати лет. А пашни не пашет.

Тевлетдычко Бакбавлин сказал, скота у него нет и пашни не пашет...» [4, л. 348об., 349, 352об.].

В услужении у служилых татар были захребетники – «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и, «живя» «за хребтом» более состоятельных своих соплеменников, ...были обязаны своим хозяевам известными повинностями» [10, с. 170]. В количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. С.В. Бахрушин отмечает, что основную массу захребетников составляли чужеродцы. Но анализ сведений Дозорной книги позволяет усомниться в слишком большом количестве «чужеродцев».

Часть захребетных (21 двор) не имели как пашенных, так и сенокосных угодий. Например, в деревне Туралинской: *«Захребетный Атягулко Кобнин сказал: пашни и сенных покосов у него нет. **Кормится работою**» (выделено мной. – С.К.) [4, л. 377об.].*

В то же время большинство захребетных (40 дворов) владели как пашенными, так и сенокосными угодьями. Это является косвенным подтверждением того, что они были выходцами из местных родоплеменных групп. Об этом свидетельствует и тот факт, что именуются указания на «старинное владение» этими землями. Например, в деревне Айткуловой к захребетным приписан Кармышачко Аиткулов, у которого *«сын Аиткулко четырех лет, брат Атычко двадцати лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А пашни паханые – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на полтора-ста копен. В межах та его пашня вверх по Ибейке*

*речке возле озера и возле глухого березняка и возле речки Ичкитовки да за Ибейкою поскотинное место. **Владеет исстари**» (выделено мной. – С.К.) [4, л. 357].*

В деревне Бабиной записан Захребетный Ишкиня Тауков: *«...скота у него – две лошади, рогатого столько же. А пашни у него паханые у юрт под поскотиной – полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен. **Владеет исстари**» [4, л. 384].*

И таких описаний встречается довольно много, что позволяет сделать вывод о том, что большая часть захребетных все же происходила из автохтонного тюркоязычного населения данного региона. Только один захребетник Маметкулко Янгулов, проживавший в деревне Отуской Отуской волости, включен в общий список владений ясачных татар, но в отличие от них он платил оброк. Здесь же указано, что родом он из юрт Каскаринаских Тюменского уезда, а в Тарском уезде живет с 1699 г. [4, л. 402об.].

В то же время, возможно, что часть захребетных, владеющих земельными наделами, не являлась местным населением. При описании деревни Байтугановой (в настоящее время – Себеляково) мы читаем:

*«Захребетный Кутлумерген Чуваев сказал: у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота – четыре лошади, три коровы, четыре овцы. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен. **Владеет пашней и сенными покосами по купчей ясачных татар**» (выделено мной. – С.К.) Ирленячки Изентуганова с товарищами с 1680 года. А оброк не платит. И по указу Великого государя наложен на него, Кутлумергена с сыном, за владение ясачной землей и сенными покосами вновь Великого государя денежный оброк десять алтын» [4, л. 388об.].*

Данный факт говорит не только о возможном «чужеродном» происхождении Кутлумергена Чуваева, но и о наличии определенных возможностей и средств для покупки земли. Это опровергает мнение ряда исследователей о материальной несостоятельности и бедственном положении представителей данной категории в Тарском Прииртышье.

Надо отметить и еще один момент. Во всех деревнях, в которых проживали служилые, захребетные (в ряде случаев еще и ясачные татары), помимо отдельных наделов, имелись земли и в общинном пользовании:

«У них же, служилых, и у захребетных, и у ясачных татар под пашню земли и пустоши на триста десятин. Да под скотский выпуск земли сто десятин. А сенные покосы писаны под их именем. А межа сенным покосам и скотскому выпуску от устья речки Янгачика да вверх по Оше реке до межи Тергаучи речки, а по третью сторону – большое болото алап, а по четвертую сторону – сосновое болото, а от со-

снового болота – узкое болотце, другое узкое долгое болотце с частыми малыми таловыми кустами к Оше реке, в конце – большой таловый черный куст к Оше реке. В тех же урочищах березовый остров, что пахал татарин Бинейко. Владеют исстари и по выписи 1698 года» [4, л. 377об.–378].

Бухарцы. Еще одной категорией, упоминающейся на страницах Дозорной книги, являются бухарцы. В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например, в области торговли, передвижения), предоставленными им царскими указами.

Б.О. Долгих отмечает, что «в Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили «бухарцы»... Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к 1672 г., их уже было 53 двора» [1, с. 53]. К сожалению, в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. отсутствуют данные по бухарцам. В этом же 1701 г. была создана отдельная Тарская дозорная книга, которая полностью была посвящена описанию земель бухарцев. Создание этой Дозорной книги связано с тем, что бухарцы «хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г., когда они не платили никаких оброков» [5, с. 102], и просили государя освободить их от дачи «выделного хлеба» с пашен и денежного оброка с сенокосов. В свою очередь, «правительство отказало им и только заменило «выделной хлеб» с пашен «денежным оброком», для чего и предписано было Ивану Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах» [15, с. 66].

Н.Н. Оглоблин пишет: «Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что «во всех странах христианских и бусурманских государств никаково чину не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоброчно и безданно никакими землями и угодыями не владеют...» (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де «и их бусурман от разорения оберегают...» (л. 3об.). Бухарцы же «ничего больши 50 лет не платили» (л. 4об.) в государеву казну. Указ же 153 г. (1645 г.) объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было» (л. 4). Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угодыя «у русских людей и у служилых и ясашных татар» (л. 5)» [15, с. 66]. По вышеприведенным сведениям Б.О. Долгих, в первой половине XVII в. на Таре зафиксирован 21 трудоспособный мужчина из бухарцев, что расходится со сведениями Н.Н. Оглоблина.

Проблемы, связанные с бухарскими землями, интересовали правительство и раньше. Как пишет

Н.Н. Оглоблин, «вообще, бухарцы были людьми со средствами и охотно занимались скупкою земель у служилых и других русских людей. Такая их деятельность нередко нарушала установленный порядок русского землевладения и доходила до злоупотреблений, так что в 197 г. (1689 г.) был произведен по Тарскому уезду специальный осмотр всех земель и угодий, проданных или заложенных служилыми людьми местным бухарцам. Перепись как этих, «спорных земель», так и всех вообще бухарских земель уезда производил и составил Дозорную книгу «ротмистр Литовского списка Яков Чередов с товарищи» (Кн. 925. Л. 59)» [15, с. 56]. Н.Г. Аполлова отмечает, что, «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалованье и освобождение от оброка» [5, с. 102].

То, что в начале XVIII в. бухарцы прочно обосновались в ряде поселений вокруг г. Тары, хорошо видно из Дозорной книги, где при описании земельных наделов служилых и ясачных татар указываются в качестве границ земли бухарцев. Например, при описании Атацких юрт написано: «*Кутлуметко Ачимиков сказал: у него сын Бегшико двух лет. Скота – две лошади, две коровы. А оклад ему, Кутлуметке, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханные за рекою Иртышем десятина в поле, а в двух по столько же. Да непаханой земли и лесных мест пять десятин в межах с бухаретдином* (выделено мной. – С.К.) *с Тозаем Ачибабеевым. Сенных у него покосов в Кырганском лузу на сто копен. Владеет исстари*» [4, л. 368].

«Казанцы» и калмыки. На страницах Дозорной книги, помимо ясачных, служилых и захребетных татар и бухарцев, встречаются представители пришлого тюркоязычного населения, а именно казанцы, которых насчитывается 10 человек взрослых и один ребенок (1,0% тюркоязычного населения). Расселены они были в деревнях вокруг Тары, в самой Таре и в более отдаленных от города поселениях, в основном в острожках. В большинстве своем они не имели земли, а часть из них – и скота. Три человека проживали в семьях бухарцев, остальные – своим двором. Так, например, в деревне «Иткучукова Атацкая Усеинова та ж» записано: «*Казанец Ииметко Утаймешев сказал: родом он, Ииметко, из Казани, жил за Великим Государем, платил оброк. В Сибирь пришел в 1697 году и живет в Атацких юртах у вдовы бухарской Мурзабайковой. А пашни и сенных покосов у него нет, кормится работою, а оброк не платит. И по указу Великого Государя наложено на него, Ииметуку, вновь Великого Государя денежного оброку тринадцать алтын две деньги*» [4, л. 364–364об.].

Еще один казанец был зафиксирован в д. Чиплярово, которая на тот момент была заселена исклю-

чительно ясачными татарами: «*Казанец Бехметко Кучуметев сказал: родом он, Бехметко, Казанского уезда* (выделено мной. – С.К.), *был ясачный, жил за Великим Государем, в Сибирь пришел в 1697 году и живет в деревне Чипляровых юрт своим двором. У него сын Кучучко восьми лет. А пашни и сенных покосов нет. Кормится работою. А оброк не платит. И по указу Великого Государя наложено на него, Бехметку с сыном, вновь Великого Государя денежного оброка шестнадцать алтын четыре деньги*» [4, л. 369об.].

Если говорить о времени прибытия, то большинство казанцев пришли в Сибирь в 1690-х гг. У одного казанца, проживавшего в Ташетканских юртах, записано, что он пришел в Сибирь «в давних прошлых годах». Выделяется из общей массы казанцев житель деревни Нижняя Аева Коурдацкой волости Мамейко Урасметев, который сказал, что «*родом он, Мамейко, тарчанин, а отец его был казанских татар. Скота у него – две лошади, три коровы. А пашни паханые – две десятины ярового, сенных покосов на сто копен. Владеет с татарами вместе, а оброк не платит. И по указу Великого государя наложено на него, Мамейку, вновь Великого государя денежный оброк шестнадцать алтын четыре деньги*» [4, л. 399]. Из этого описания видно, что он родился в Сибири, в отличие от других казанцев, и единственный имел земельные владения. У всех казанцев, за исключением одного, местом выхода является либо Казань, либо Казанский уезд. Лишь «*Бехметко Баймурзин сказал: родом он, Бехметко, сваяженнин*».

В целом материалы Дозорной книги свидетельствуют о том, что в Тарском уезде в начале XVIII в. проживало небольшое число татар из районов Центральной России, что противоречит данным некоторых исследователей о значительном «казанском» компоненте в составе сибирских татар в XVII–XVIII вв.

Хотя калмыков нельзя отнести к тюркоязычному населению, но отдельные представители их влились в состав сибирских татар. В течение XVII в. происходили постоянные конфликты с калмыками, которые продвинулись к этому времени в южные районы Западной Сибири. Калмыки стали теснить аялынцеv, грабили и брали в плен татар [2, с. 143]. В свою очередь аялынские татары наносили иногда ответные удары – «нападали на них, брали пленных и обращали их в рабов» [2, с. 143]. Этот момент можно проследить и по материалам Дозорной книги. Всего на территории Тарского Прииртышья при описании татарских деревень есть восемь упоминаний о калмыках, из них семь

взрослых. Почти все они являются дворовыми людьми у служилых татар, что подтверждает тот факт, что они были взяты в плен в результате военных столкновений. Так, например, в Аиткуловых юртах «*Себейко Аиткулов сказал: у него сын Сараваличко в службе, дворовые люди – калмыки Чуначко тридцати лет, Баянко шестнадцати лет...*» [4, л. 354]. Единственный калмык Ганзачко Кошметев, проживавший в деревне Танбурень Коурдацкой волости, жил своим двором и платил денежный оброк. Большая часть калмыков была расселена как в Таре, так и в русских деревнях. Многие из них были дворовыми людьми, но многие были освобождены и, соответственно, включены в податное население, платящее оброк. Те калмыки, которые попадали к татарам, были включены в их состав. Те же калмыки, которые попадали к русским, почти все были крещены, особенно свободные, и в конечном итоге вошли в состав русских сибиряков.

Таким образом, при подробном анализе материалов Дозорной книги можно сделать следующие выводы. Социальная структура тюркоязычного населения Тарского Прииртышья во второй половине XVII – начале XVIII в. была подчинена фискальной политике Русского государства. Социальные категории еще окончательно не оформились, о чем свидетельствуют такие факты, как существование общего землепользования у ясачных и служилых татар, неоднозначность имущественного и социального положения захребетных татар и бухарцев, выявление жителей Тарского уезда, не плативших податей до проведения этого дозора и т.д. В определении этносоциальных категорий тюркоязычного населения в ракурсе этнической принадлежности можно рассматривать такие группы, как бухарцы, автохтонное тюркоязычное население (ясачные татары, большая часть служилых и захребетных татар), пришлые тюркоязычные компоненты (казанцы). На данной территории проживали и калмыки, которые в дальнейшем вошли в состав татар данной группы. В заключение следует отметить, что такая ситуация сохраняется на протяжении первой половины XVIII в. Административные преобразования последней трети XVIII в. привели к некоторым изменениям, связанным, в частности, с исчезновением в Тарском уезде категории служилых и захребетных татар и приравнивании их к ясачным, выделением Бухарской волости, способствующем дальнейшему обособлению группы сибирских бухарцев, и т.д. Изменения этносоциальной структуры тюркоязычного населения, происходившие в XIX–XX вв., станут объектом дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. – М., 1960.
2. Томилов, Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.

/ Н.А. Томилов. – Томск, 1981.

3. Томилов, Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири) / Н.А. Томилов. – Томск, 1993.

4. РГАДА. – Ф. 214. – Кн. №1182.
5. Аполлова, Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. / Н.Г. Аполлова. – М., 1976.
6. Колесников, А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. / А.Д. Колесников. – Омск, 1973.
7. Миненко, Н.И. Освоение русскими Среднего Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. / Н.И. Миненко // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск, 1986. – Вып. 1.
8. Шунков, В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков / В.И. Шунков. – М.; Л., 1946.
9. Бережнова, М.Л. Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам / М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5. вып. 3: Археология и этнография (Приложение 1).
10. Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. / С.В. Бахрушин // Научные труды. – М., 1955. – Т. III, ч. 2.
11. Корусенко, С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках / С.Н. Корусенко. – Омск, 2007.
12. Корусенко, С.Н. Расселение татар Тарского Прииртышья (XVII–XX вв.) / С.Н. Корусенко // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2006. – Т. 9.
13. Тихонов, С.С. Система расселения аборигенов и проблемы ее изучения / С.С. Тихонов // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Владивосток, 2003.
14. Тихонов, С.С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) / С.С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8.
15. Оглоблин, Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Н.Н. Оглоблин. – М., 1895. – Ч. 1.